

«Они слышат язык моих песен»

Если полуденная встреча в одном из старинных особнячков, что сохранились еще в центре Москвы, не была во всем похожа на праздничный бал, то по такой вот досадной причине: опаздывала «королева». Я ждал ее с нетерпением, хотя вокруг прохаживались, беседуя, дамы и кавалеры — и каждый из них мог оказаться по-своему интересным, и с любовью, наверное, стоило познакомиться. Ведь не часто доводится провожать — а это оказался, увы, прощальный бал — столь именитых и почетных гостей: труппа венского «Бургтеатра», гастролировавшая в столице чуть более недели, собиралась в Ленинград, а оттуда домой, в Австрию.

Не знаю, что именно напоминало бал давно прошедших времен: то ли пышные залы в стиле ампир, то ли необычная церемонно-утилитарная атмосфера, а, быть может, и два спектакля, которые посмотрел накануне («Ифигения в Тавриде» Гете и «Любовные за-

теи и свадебные дела» Иоганна Нестроя, драматурга второй половины прошлого века). И только «королева» бала могла появиться из другой «сказки» — горькой, удручающей своей обыденностью, но завораживающей накалом человеческих страстей: Эрика Плухар играла Варвару в третьей пьесе, показанной коллективом «Бургтеатра» на сцене МХАТа, — «Дачниках» Горького.

Впрочем, Эрика действительно царствует в спектакле, и не только в этом. Да и в повседневной творческой жизни артистов она лидирует — более двадцати лет работы в одном из старейших театров Европы. Школа и опыт...

Она явилась чуть позже остальных — была занята на репетиции. Вошла, и все вокруг преобразилось: высокая, стройная, удивительно пластичная, яркая внешне — Эрика и двигалась, и говорила как-то особенно, голосом и жестом приковывала внимание...

— Ну что вам рассказать о себе? Родилась в Вене, там же выросла, ходила в школу... А потом оказалась в «Бургтеатре».

— В качестве зрительницы?

— Нет, как актриса. Начала с небольших ролей, знаете: «принеси то, подай это». Такая вот у меня была школа мастерства. Уже двадцать два года я в театре — срок немалый, чтобы успеть состариться, как человеку и как актрисе...

Попытался было возразить — ведь передо мной сидела «королева».

— А я человек, просто женщина, такая же, как сотни тысяч других... Помню, однако, иные времена — период «звездной болезни». А виной всему телевидение. Десять лет играть маленькие роли и делать это со всем старанием, талантом, который имеешь, нелегко. Славы никакой, труд немалый, а в перспективе — у-у... — и она рассмеялась.

— Тут любой соблазнится... Так я оказалась в телестудии. Куклолка-блондинка, с хорошей фигуркой, изящная — чем не товар? И вскоре продюсеры создали «имидж»: образ то ли женщины-вамп, то ли кого похуже. Но появились роли, я стала популярна. А популярность «телезвезд» вещь небезопасная. И хотя в театре предлагали уже кое-что посерьезнее, но образ-то сложился! Я решила сломать его — сразу и навсегда... И вырвалась.

После этого немного ошеломившего признания я стал постепенно узнавать другую Плухар — ту, которую увидел тем же вечером в «Дачниках». А образ «королевы» бала?.. Он остался в шумном зале особняка, где веселились гости, произносились тосты. На моих же глазах шла работа мысли и чувства Эрика рассказывала правду о себе. Она позволила заглянуть в душу — нечаянная удача для журналиста в общении со «звездами». Позже я прочитал в одной рецензии: «Плухар — ти-

пичный экстраверт...» Не знаю, применим ли этот термин психологов к человеку, открытому всем болям и радостям жизни, но почти уверен: для рецензента актриса так и осталась «королевой».

— ...Каким же образом вам удалось вырваться? — спросил я. — Ведь так называемая «стар-систем» цепко держит свои жертвы.

— Написала книгу. С девичьих лет вела дневник. В нем было все обо мне: порывы души, стремления, честолюбие, жажда славы, первая любовь, разочарование... Думаю, женщины намного откровеннее в своих дневниках, чем мужчины. Да и писала я только для себя — была уверена, что не решусь показать постороннему человеку.

— И все же показали?

— И несколько об этом не жалею! Ведь моя книга — описание тех десяти лет жизни актрисы, когда я была почти марионеткой. Хотя и стыдилась порой: что подумают обо мне, но все же верила — люди хотят и должны знать правду, чтобы раз и навсегда отказаться от дешевых иллюзий.

— Теперь вам сложнее, наверное, общаться с публикой — от ее нескромности оберегает гасмая загадочность, недостижимость.

— Как ни странно, легче. Актрисе приходится постоянно держать себя в руках: ведь если ты не демонстрируешь на людях свою силу, неуязвимость, они разочаровываются — такой кумир им не нужен. Ну а если ты не кумир? Бывает, выхожу на сцену усталая, чем-то расстроенная и не могу играть так, чтобы верили — вот он образ для подражания. И тогда обращаюсь к залу: «Знаете, я устала сегодня, расстроена...» И люди понимают меня, принимают такой, какая есть.

Постепенно мы перешли от ее личной судьбы к судьбам дру-

гих, и прежде всего молодежи. Оказалось, тема эта волнует Плухар давно:

— Быть может, удивлю, но скажу: молодежь, и прежде всего наша, австрийская, находится под дурным влиянием...

— Чьим же?

— Как ни странно, рок-музыка. Не то что бы я не любила ее — дело не в мелодиях и ритмах. Но именно рок-система плодит бесчисленное количество «звезд», чаще всего мнимых. Рок-музыка сегодня — это большая коммерция, и она разрабатывает умы молодых...

Достаю из пакета заранее приготовленный диск — ее первую долгоиграющую пластинку, где напеты шлягеры 20—30-х годов, сентиментальные, без особого смысла и без всякого вкуса. Прямо скажем, не те песни, которые могут дать что-либо уму и сердцу сегодняшней молодежи Австрии.

— О! — воскликнула Эрика не то в смущении, не то раздражаясь, и закрыла пластинку пакетом. — Забудьте о ней! Запись появилась в те времена, когда я только начинала выступать с концертами и у меня не сложился собственный репертуар... Но и сегодня не хочу отказываться от такой пластинки, хотя пою совсем другие песни. Почему? Жизнь каждого человека — это непрекращающееся развитие, совершенствование. Бывает порой полезно заглянуть в прошлое и понять, как тобой манипулировали. Каждой творческой личности необходим подобный опыт — горький но поучительный. И теперь я знаю, о чем говорить с молодежью: люди в нашем обществе многого боятся — потерять работу, например, оказаться в одиночестве. Они берутся за любое дело. Вот и взялась за то, что оказалось на поверку не совсем чистым, искренним. А все потому, что боялась. Но шаг за шагом преодолевала страх, и когда

уверилась в собственных силах, решила: если тебе верят, скажи правду.. Моей дочери сейчас двадцать лет. Я написала для ее друзей песню «Все вместе», в которой попыталась доказать: мое поколение и поколение нынешнее должны быть вместе, иначе молодежь повторит наши ошибки.

— Но стоит ли так опекать детей? Помните конец 60-х — начало 70-х, эпоху контркультуры? Тогда дети упрекали взрослых, что те заставляют их жить по меркам «ценностей отцов», которые они не принимали, да и не могли принять — ведь «ценности» эти толкали обратно в рутину «общества равных возможностей». А юное поколение не верило больше в догмы капиталистической пропаганды.

— Да и сегодня ситуация немаломо изменилась. Когда я наблюдаю жизнь различных социальных групп, замечаю: взрослые, не нашедшие свободы для самих себя, и детям не дают искать ее. Об этом я написала песню «Найди свой путь». Об этом же пытаюсь говорить со сцены. И театр для меня — прежде всего политика. Освободиться от тенет буржуазной идеологии, научиться самостоятельно мыслить, выразить собственную точку зрения, найти контакт с аудиторией и сообща решить проблемы — вот путь.

— И вам удается найти такой контакт?

— В театре — реже. Но когда я пою... У западной молодежи, мне кажется, не осталось больше идеалов: они не верят политикам — как можно верить людям, которые готовы уничтожить всех и вся в пламени ядерной войны? Они не верят людям искусства — можно ли верить тем, кто вполне серьезно убеждает с экранов телевизоров: купите это мыло, стиральный порошок — они самые лучшие?.. Актеры продают свою гордость, достоинство, талант за сотню другую марок.

Торгуют улыбкой, голосом, блеском глаз... Вот почему у нашей молодежи нет идеалов — вместо них есть потребности: приобрести стереосистему, цветной телевизор, машину... Рушится система ценностей, и среди ее обломков гибнет живое человеческое чувство. Потому я и пытаюсь говорить с молодежью языком моих песен и просто в дружеской беседе. Поднимаюсь на сцену задолго до начала выступления. Они спрашивают — я отвечаю. И тогда юноши и девушки начинают понимать, на концерт можно прийти не только за тем, чтобы повизжать — они слышат язык моих песен.

— О чем же вы говорите?

— Обо всем, что их волнует, и прежде всего об опасности ядерной войны. Я поставила свою подпись под Крефельдским воззванием и призываю других артистов сделать то же самое... Помню, когда в Дортмунде на антивоенный митинг собралось четверть миллиона человек, это было впечатляющее зрелище. Именно там я узнала: не вся молодежь равнодушна, не каждый — потребитель «мыльных пузырей», вылетающих из телевизоров. — Эти молодые люди едины в ненависти к войне, милитаризму.

На такой высокой гражданской ноте закончилась беседа с Эрикой Плухар. А вечером я увидел ее на сцене. И убедился: слова актрисы не расходятся с делом. Плухар исполняла роль Варвары Михайловны Пьеса Горького для нее — не далекое историческое прошлое, не «русская экзотика». Эрика играла трагедию современной женщины, вдовой, гонимой, обреченной на одиночество, понимающей за внешней гармонией человеческих отношений скрывается напряженный конфликт двух сил — одной, стремящейся к действительной позиции в жизни, и второй — готовой примириться, деградировать.

Ал. НАЛОЕВ.